

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/tdi.2020.1.51.5

УДК 338.28 | ББК 65.050.22

© Калашников К.Н.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И РАЗЛИЧИЯ В РАСПРОСТРАНЕНИИ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ КАЛАШНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: konstantino-84@mail.ru

ORCID: [0000-0001-9558-3584](https://orcid.org/0000-0001-9558-3584); ResearcherID: [I-9519-2016](https://orcid.org/I-9519-2016)

Стоящие перед Россией вызовы, заключающиеся, прежде всего, в необходимости обеспечения высоких темпов экономического роста, сокращения технологического отставания от развитых стран мира и высокого уровня и качества жизни населения, требует повышения эффективности государственного управления и минимизации столь распространенного в стране явления, как коррупция. По оценкам международных экспертных организаций Россия занимает одно из самых невыигрышных мест в рейтинге стран мира по уровню и распространенности в политической жизни и экономической среде коррупционных нарушений. На сегодняшний день в России противодействие коррупции заявлено в качестве одной из ключевых задач государственной политики. Принят Указ Президента РФ от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». В органах государственной власти проводится комплекс мер по предупреждению коррупционного поведения, стали привычными и повсеместными комиссии по урегулированию конфликта интересов. Вместе с тем в научном и экспертном сообществе продолжаются острые дискуссии относительно самой возможности борьбы с коррупцией, учитывая территориальное неравенство регионов и роль национального компонента в глубине коррупции. Целью статьи является анализ и оценка уровня коррупции в контексте национального и социально-культурного разнообразия России. На основе анализа статистических данных по зарегистрированным правонарушениям коррупционной направленности показано, что уровень коррупции в национальных республиках нередко ниже общероссийского, что свидетельствует о низкой объективности данных о правонарушениях в оценках коррупционного поведения. Автор приходит к выводу, что для коррупции в рамках национальных республик действительно существуют серьезные социально-культурные предпосылки, впрочем, не всегда отражаемые в отчетах генпрокуратуры РФ. Явление «национального взяточничества», по выводам автора, существует, однако нельзя недооценивать роль федеральных органов власти в этих процессах повышения качества государственного управления.

Коррупция, качество государственного управления, социально-культурный контекст, Российская Федерация, национальные республики.

Введение

Важным критерием состояния институтов государственной власти и качества государственного управления выступает уровень коррупции. Несмотря на то что коррупция представляет собой универсальное явление культуры и бытия человека, все же нельзя не отметить национальный оттенок, который нередко придается ему в общественных дискуссиях. В соответствии с одним из наиболее распространенных стереотипов коррупция – атрибут традиционных обществ с присущим им культом семейных связей. Однако наличие эмпирически доказанной корреляционной связи между такими «культурными переменными», как крепость семьи, и уровнем коррупции вполне оправдывает существование термина «коррупцированные культуры» [1].

Россия – многонациональное государство, что не только актуализирует проблему коррупции как таковой, но и ставит ее в плоскость национального разнообразия [2]. Здесь, впрочем, существует некое противоречие. С одной стороны, у народов с традиционным укладом мышления и быта присутствует глубокая приобщенность к религиозному культу, табуирующему антиобщественные проявления человеческой природы, с другой стороны – сформирована специфическая структура общества, располагающая к социальным дисфункциям типа коррупционного поведения. Среди них – традиционно крепкие родственные связи, землячество, высокая социальная плотность населения [3]. Вопрос актуализирует и череда громких коррупционных дел в национальных республиках. Научно-методологическая проблема заключается в том, чтобы проанализировать уровень коррупции как таковой и национальной коррупции как самостоятельного и специфического феномена или, напротив, если это будет доказано опытом и имеющимися данными, признать, что между этими явлениями нет существенных барьеров.

Проблема коррупции для России чрезвычайно актуальна. Место России в рейтингах «Индекса восприятия коррупции» сохраня-

ется практически неизменным на протяжении последних лет. Несмотря на работу профильных государственных институтов, расследование крупных коррупционных дел национального и международного уровня не дает необходимого результата. Международное антикоррупционное сотрудничество пробуксовывает [4]. Декларирование конфликта интересов не работает в должной мере. Крупные чиновники нередко игнорируют декларации своей аффилированности с коммерческими структурами, тогда как применительно к «низшим» группам должностей с низким уровнем денежного содержания и аналогичным уровнем жизни эти меры применяются строго и безапелляционно [5–7]. Угроза увольнения в связи с утратой доверия не может остановить чиновников, создающих условия максимального благоприятствования для бизнес-структур своих друзей и родственников. Давление на некоммерческие организации и независимые СМИ продолжается. Крупные инвестиционные проекты непрозрачны [8]. Выбор подрядчиков, налоговые льготы, бюджетные субсидии, сомнительные назначения единственного поставщика – все это стало привычными атрибутами экономической деятельности, где задействованы бюджетные средства. Такая ситуация не только негативно влияет на экономическую составляющую больших проектов, но и создает фон социального недоверия к заявленным целям [9; 10].

Между тем в настоящее время в России ведется активная борьба с проявлениями политической коррупции на всех уровнях государственной власти. Разработан Указ Президента РФ от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» в перечень показателей включен показатель «Доля жителей субъекта Российской Федерации, столкнувшихся с проявлениями коррупции», опреде-

ляющийся усреднением текущих значений показателя, полученных по результатам социологических исследований, проведенных в отчетном году. Однако на момент подготовки статьи данные не публиковались (ближайшее обновление данных – 15.08.2020).

Поскольку коррупция имеет различные формы и проявления, в том числе и в терминах уголовного права, в статье за основу был принят официальный подход. Прямо и косвенно к коррупции относятся преступления, предусмотренные статьями УК РФ 290 – получение взятки и 285 – злоупотребление должностными полномочиями (глава 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), а также преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»).

Коррупция и ее социально-культурные предпосылки: теоретические аспекты

Коррупция, будучи древним феноменом общественной, политической, экономической и культурной жизни человека, только в XXI веке получила столь беспрецедентное внимание и сегодня признается одной из серьезных угроз для развития государств. Количество публикаций, посвященных проблемам коррупции, впечатляюще, в последние десятилетия объем литературы по этой тематике увеличивался [11–14]. Однако широкая историческая ретроспектива и колоссальный объем научно-методической базы, посвященной коррупции, поразительным образом контрастируют с отсутствием универсальных и общепринятых толкований этого явления и бессилием государственных институтов в борьбе с ним [15; 16]. В пользу того что исследование теоретико-методологических, концептуальных основ политической коррупции продолжает сохранять актуальность, свидетельствует отсутствие консенсуса даже в таких фундаментальных вопросах, как период появления коррупции и ее роль в экономической жизни

стран. Одни ученые, такие как С.М. Липсетт и Г.С. Ленц, утверждают, что коррупция сопутствовала человечеству всегда, начиная с древнего мира, и эта ее универсальность и вездесущность помогает протестовать против упрощенного восприятия ее как некоей социальной дисфункции, которую можно устранить, имея лишь твердое намерение и политическую волю [17]. Другие, например Ф. Фукуяма, напротив, настаивают на молодости коррупции, которая стала ощущаться как проблема лишь с приходом новой парадигмы государственного устройства, где носитель власти не только владел родовыми доменами, но и представлял собой блюстителя общественного, коллективного интереса [18]¹. Предметом споров остается и значение коррупции для экономического развития. Теоретики агентства «Индекс восприятия коррупции» однозначно негативно оценивают ее влияние. Другие исследователи, например С. Хантингтон, Н. Лефф, Д. Хьюстон, допускали, что распространение коррупции может быть естественным симптомом неадекватности правовой защиты и недостаточного развития институтов верховенства права.

Существует две классические модели коррупции, подтвержденные эмпирическими исследованиями, и базис обеих составляют культурные детерминанты. Первая – концепция «целей и средств», берущая начало в работах Э. Дюркгейма и развитая Р. Мертоном. В качестве источника коррупции в ней называется противоречие между личностными амбициями в условиях ограниченных возможностей для самореализации и построения карьеры, что вынуждает людей действовать вразрез с установленными нормами, в частности обогащаться за счет злоупотребления властными полномочиями [19]. Вторая – «партикулиристская» гипотеза Э. Банфилда – строится на феномене «аморальной семейственности» [20]. Поощрение семейных уз при дефиците комму-

¹ Фукуяма Ф. Что такое коррупция? // Institute of Social and Economic Development. 2016. 31 июня. URL: <http://isedworld.org/en/2016/07/31> (дата обращения 15.02.2020).

нитарных связей порождает риски распространения коррупционных практик. Если во взглядах на культурные предпосылки и этологическую природу коррупции среди ученых достигнут достаточно прочный консенсус, то вопросы о механизмах и силе этого влияния и трактовка конкретных проявлений и форм коррупции все еще остаются на повестке дня социальных наук. Ряд современных исследователей коррупции (О. Кюрер, М. Женю, А. Варраич и др.) находят проблему ее методологической «неуловимости» в ее разнообразии, «многоликости», а также в слиянии этого понятия с другими, которые ранее считались независимыми объектами научных изысканий, что в значительной степени затрудняет формализацию коррупции, ее количественную оценку, тем самым лишает нас оснований говорить о коррупции абстрактно, без уточнения, что подразумевается под ней в тот или иной момент и в конкретных обстоятельствах. В этих условиях коррупцию целесообразно рассматривать не как интегральное, целостное понятие, что неинформативно и непродуктивно, а как «зонтичное», связывающее воедино понятия клиентелизма, патронажа, «захвата государства», партикуляризма и патримониализма, опираясь при этом на опыт государственного управления в различных социально-экономических, политических и культурных контекстах.

В условиях российского культурно-этнического разнообразия культурный аспект коррупции чрезвычайно важен. Можно возразить, что коррупция имеет различные формы и проявления, начиная от бытовой и заканчивая политической, но, на наш взгляд, все они имеют глубокие социально-культурные корни и, как правило, существуют совместно, более того, подпитывают друг друга. С одной стороны, стереотипы поведения людей, основанные на эксплуатации родственных связей, скорее всего будут перенесены и на государственную деятельность, и, наоборот, образцы поведения «сверху» транслируются и простым гражданам.

Что касается национальных республик РФ, то здесь коррупция имеет свою специ-

фическую историю развития, обнаруживаются этнические и религиозные нюансы взяточничества. Например, в Дагестане до его вхождения в состав Российской империи коррупция не имела широкого распространения. Прежде всего, это было обусловлено вероисповеданием. Согласно Корану, любое неправомерное присвоение чужого имущества является грехом, а тем более грехом является подкуп должностных лиц. «Не присваивайте незаконно имущества друг друга и не подкупайте этим [имуществом] судей, чтобы намеренно присвоить часть собственности [других] людей грешным путем», – говорится в Коране². Есть целый ряд хадисов, в которых осуждается взяточничество. Например, в Муснаде Ахмада ибн Ханбаля приводится следующий хадис: «Да проклянет Аллах дающего и берущего взятку, а также посредничающего в этом». Однако ситуация коренным образом изменилась с момента первых контактов с Россией. Имперская политика России по расширению территорий заключалась не только в «кнуте», но и в «прянике», который нередко выражался в денежном эквиваленте или в раздаче оккупированных земель. В условиях Дагестана взятки получали ханы, шамхалы, уцмии, прочие руководители общественно-политических структур. И если лидеры вольных образований просто брали деньги, ничем не ограничивая собственный статус и статус подданных, то ханы и шамхалы стали яркими проводниками имперской политики в Дагестане. Командир Отдельного Кавказского корпуса, генерал от артиллерии А. Ермолов в своих «Записках генерала» отмечал, что шамхалу Тарковскому, «дающему собою пример постоянной верности императору, способствовавшему нам всеми зависящими от него средствами, в награду за усердие высочайшим именем государя дал я в Мехтулинской провинции в потомственное владение не менее 2500 семейств,

² Кавказ и коррупция: история вопроса. От Российской империи до наших дней – этнические и религиозные нюансы взяточничества в национальных республиках Северного Кавказа // PAsMI.RU. Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasmi.ru/archive/203307> (дата обращения 15.02.2020).

что составит, по крайней мере, 10 тысяч душ, и снабдил его грамотою» [21]. После того как Россия укрепилась в регионе, местное и пришлое чиновничество тоже стало практиковать взяточничество. Любая проблема решалась при наличии денег. Нужно заметить, что сами местные жители считали дачу взятки богопротивным деянием и шли на такой шаг только в крайнем случае [11].

В советский период коррупция также процветала. В той или иной мере депортациям подвергались карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, кабардинцы и другие народы. Часть из них лишились при этом и своих национальных автономий. По мнению ряда исследователей, в новых условиях депортированные народы при размещении на новых землях обратились к клановым основам социальной организации. Эти забытые архаические отношения, которые оказались единственными работающими в жестких условиях выживания, затем были перенесены на родную землю [22]. Среди конкретных уголовных коррупционных дел, коснувшихся Северного Кавказа во времена СССР, можно вспомнить так называемое «хлопковое дело», касающееся экономических и коррупционных злоупотреблений в Узбекской ССР. В его рамках в 1977–1980 гг. расследовалась деятельность подпольных текстильных цехов в Чечено-Ингушетии. Показательно для Кавказа громкое дело о злоупотреблениях на лесоторговой базе в Кошехабльском районе Адыгеи в начале 1980-х годов³. После распада СССР в 1990-е клановость, характерная для национальных народов России, усугубилась политическим хаосом и упадком социальной и экономической сфер. В условиях возникшего вакуума, когда управляющие органы советского строя пропали или перестали действовать, а новые еще не сложились, коррупция процветала [23]. И сейчас, в XXI веке, клановость продолжает играть огромную роль в республи-

³ Кавказ и коррупция: история вопроса. От Российской империи до наших дней – этнические и религиозные нюансы взяточничества в национальных республиках Северного Кавказа // PASMIRU. Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasmir.ru/archive/203307> (дата обращения 15.02.2020).

ках Северного Кавказа, что зачастую выражается в коррупционных проявлениях.

Коррупция в России: общая ситуация и социально-культурные различия

Проанализируем общую ситуацию с коррупцией в России, обращаясь к комплексу доступных статистических данных. Первое, что не может не броситься в глаза, это разница оценок, причем не только количественных, но и логических, вплоть до диаметральной. Так, по данным Счетной палаты, ситуация с коррупцией в стране осложняется год от года. Объем коррупционных операций и сделок в 2018 году вырос более чем в два раза в сравнении с 2017 годом. Сумма нарушений при госзакупках в 2018 году увеличилась в 2,5 раза. Сумма ущерба составила 118,3 млрд руб. А в период с 2016 года этот показатель продолжил рост, коррупция увеличилась в 5,5 раза. Итого с 2016 года получилось 53,05 млрд руб.

В табл. 1 приведены данные по коррупционным правонарушениям в РФ, представленные в отчетности Генпрокуратуры России. В 2018 году по сравнению с базовым 2011 годом, по которому имеется доступная статистическая информация, зафиксирован рост показателей по числу внесенных представлений (на 9%) и лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности (на четверть), тогда как в объемах выявленных нарушений закона в течение анализируемого периода отмечается существенное, на 26%, снижение, как и в количестве исков и заявлений, направленных в суд (68%). Соответственно, и в числе возбужденных уголовных дел также прослеживается нисходящая динамика, в целом снижение показателя составило 25%.

Однако значительная часть коррупционных схем не идет вразрез с действующим законодательством, из них 40% касаются завышения стоимости контрактов госзакупок. Также большое число работ оказывается принятым, оплаченным, но не выполненным. Подобные схемы реализуются в 20% случаев коррупции. «Схем становится все

Таблица 1. Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции (всего)

Наименование показателя	2011 год	2012 год	2017 год	2018 год	% (+/-)
Выявлено нарушений законов	312325	349099	245635	231115	-26,0
Принесено протестов	40006	52631	33997	31777	-20,6
Направлено исков, заявлений в суд	14631	16335	6110	4690	-67,9
Внесено представлений	56794	58214	58511	61988	9,1
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	54307	61904	64970	68148	25,5
Предостережено лиц о недопустимости нарушения закона	5070	4993	4253	4496	-11,3
Возбуждено уголовных дел	4251	4567	3367	3179	-25,2
Источник: данные Генпрокуратуры РФ.					

больше, они становятся все более изощренными. Большинство таких схем полностью укладывается в законодательство», – сообщает аудитор Счетной палаты Т. Блинова⁴.

Индикатор «Сдерживание коррупции» (Control of Corruption) включен в состав шести индексов (Worldwide Governance Indicators), отражающих различные параметры государственного управления: показатели, измеряющие восприятие коррупции в обществе (коррупция понимается как использование общественной власти с целью извлечения частной выгоды), степень использования государственной власти в корыстных целях, существование коррупции на высоком политическом уровне, степень участия элит в коррупции, влияние коррупции на развитие экономики и т. д. Глобальное исследование качества государственного управления (Governance Matters) и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю качества и эффективности государственного управления основаны на методике Всемирного банка (The World Bank), разработанной коллективом авторов (Д. Кауфманн, А. Краай и М. Мастрucci), и опираются на несколько сотен переменных, получаемых из различных источников (статистические данные национальных институтов и международных организаций, результаты исследований, осуществляемых на регулярной основе международными и неправительственными организациями). Исследование проводится

с 1996 года и на данный момент представляет наиболее полный комплекс показателей качества государственного управления по различным странам мира.

Из-за нерешительности в преследовании коррупционных преступлений и хаотичности мер по предотвращению коррупции Россия остается в последней трети Индекса восприятия коррупции (ИВК). В 2016 году Россия получила 29 баллов и заняла 119 место, поделив его с Азербайджаном, Гайаной и Сьерра-Леоне. Позиции России в мировом рейтинге, начиная с 2012 года, с которого методика расчета позволяет проводить динамические сравнения, практически не меняются. В 2015 году индекс восприятия коррупции составил 29, в 2014 году – 27, в 2013 и 2012 гг. – 28 (табл. 2).

Ситуация с коррупцией в России остра не только в сравнении с благополучными странами Западной Европы, но и на фоне стран, объединенных социалистическим прошлым. Более внушительные подвижки в борьбе с коррупцией демонстрируют даже Армения, Молдова и Беларусь. Худшие, чем Россия, позиции рейтинга занимают беднейшие страны Центральной Азии (Киргизия, Таджикистан и др.). В прибалтийских странах, напротив, индекс восприятия коррупции варьируется от 55 в Литве до весьма впечатляющего значения, 70, в Эстонии. Решительные антикоррупционные реформы грузинской власти, осуществленные

⁴ Счетная палата выявила рост нарушений в госзакупках в 5 раз за 2 года // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b> (дата обращения 15.02.2020).

Таблица 2. Индекс восприятия коррупции в странах мира (2015 год)

Страна	Экспертные организации, проводящие оценки*												Средн.	Ранг	Min	Max
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
Дания	-	89	-	-	96	97	88	98	88	83	-	-	91	1	83	98
Финляндия	-	93	-	-	91	89	88	98	88	83	-	-	90	2	83	98
Швеция	-	89	-	-	87	89	88	98	88	83	-	-	89	3	83	98
Германия	-	72	-	-	83	81	80	89	88	73	-	-	81	10	72	89
Великобритания	-	82	-	-	81	73	80	89	88	73	-	-	81	10	73	89
США	-	69	-	-	74	89	74	79	88	73	59	-	76	16	59	89
Япония	-	84	-	-	76	57	76	79	71	73	82	-	75	18	57	84
Португалия	-	62	-	-	58	57	68	69	54	73	-	-	63	28	54	73
Польша	-	58	71	-	58	65	67	60	54	73	-	55	62	30	54	73
Израиль	-	64	-	-	56	65	-	60	71	52	-	-	61	32	52	71
Чехия	-	53	66	-	44	57	59	50	54	63	-	55	56	37	44	66
Ю. Корея	-	52	58	-	51	73	70	50	54	52	46	-	56	37	46	73
Греция	-	45	-	-	43	57	50	41	21	63	-	-	46	58	21	63
Румыния	-	36	62	-	37	57	45	41	38	42	-	52	46	58	36	62
Италия	-	47	-	-	35	49	54	41	38	42	-	-	44	61	35	54
Турция	-	53	45	-	42	41	33	41	38	42	-	-	42	66	33	53
Бразилия	-	25	62	-	25	-	34	31	38	52	-	-	38	76	25	62
Индия	-	54	45	-	35	-	25	41	38	32	33	-	38	76	25	54
Китай	-	49	36	-	39	-	28	31	38	32	41	-	37	83	28	49
Мексика	-	33	28	-	28	73	20	21	38	42	-	-	35	95	20	73
Аргентина	-	28	36	-	25	-	37	31	38	32	-	-	32	107	25	38
Пакистан	23	34	19	-	-	-	26	31	38	42	-	-	30	117	19	42
Россия	-	38	28	-	33	-	28	21	38	22	-	21	29	119	21	38
Судан	0	-	15	20	-	-	-	2	21	11	-	-	12	165	0	21
Афганистан	12	-	19	-	-	-	2	-	-	11	-	-	11	166	2	19
С. Корея	-	-	10	-	-	-	-	12	-	1	-	-	8	167	1	12
Сомали	-	-	6	2	-	-	-	12	-	11	-	-	8	167	2	12

*1 – World Bank CPIA, 2 – World Economic Forum EOS, 3 – Bertelsmann Foundation TI, 4 – African Dev Bank, 5 – IMD World Competitiveness Yearbook, 6 – Bertelsmann Foundation SGI, 7 – World Justice Project ROL, 8 – PRS International Country Risk Guide, 9 – Economist Intelligence Unit, 10 – IHS Global Insight, 11 – Freedom House NIT, 12 – Freedom House NIT.

в период 2008–2013 гг., способствовали тому, что Грузия стабильно занимает одну из самых успешных позиций по борьбе с коррупцией среди стран Восточной Европы и Центральной Азии, значительно «обгоняя» Россию (табл. 3).

Вместе с тем любые агрегированные оценки коррупции имеют ограничения с позиций интерпретации, поскольку границы между принципиально различными формами коррупции при этом стираются. Нередко мы не можем достоверно сказать, что

конкретно стоит за той или иной оценкой, поскольку в ней не отражены особенности культурного, политического, социально-экономического контекста страны.

Концепция «целей и средств»

Согласно теории Мертона, коррупция есть разновидность социального поведения, формирующаяся под давлением общества и выражающаяся в нарушении установленных норм. Он подчеркивает, что социальная система задает культурные цели, к которым

Таблица 3. Индекс восприятия коррупции в постсоветских странах (2015 год)

Страна	Экспертные организации, проводящие оценки*										Средняя	Ранг	Min	Max
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10				
Эстония	-	79	75	73	81	71	69	54	63	66	70	23	54	81
Литва	-	60	66	51	81	-	60	54	63	55	61	32	51	81
Латвия	-	56	58	48	65	-	50	54	52	60	55	40	48	65
Грузия	-	69	53	-	-	62	-	-	32	44	52	48	32	69
Армения	-	45	28	-	-	-	31	-	32	37	35	95	28	45
Молдова	35	30	40	-	-	16	31	38	42	31	33	103	16	42
Беларусь	-	-	28	-	-	52	31	21	32	26	32	107	21	52
Азербайджан	-	37	23	-	-	-	21	38	32	21	29	119	21	38
Россия	-	38	28	33	-	28	21	38	22	21	29	119	21	38
Казахстан	-	51	19	46	-	28	21	21	11	23	28	123	11	51
Киргизия	35	25	32	-	-	20	-	-	32	26	28	123	20	35
Украина	-	28	36	26	-	22	21	21	32	29	27	130	21	36
Таджикистан	23	53	15	-	-	-	-	-	11	26	26	136	11	53
Узбекистан	12	-	19	-	-	29	-	21	11	21	19	153	11	29
Туркмения	-	-	19	-	-	-	-	21	11	21	18	154	11	21

*1 – World Bank CPIA, 2 – World Economic Forum EOS, 3 – Bertelsmann Foundation TI, 4 – IMD World Competitiveness Yearbook, 5 – Bertelsmann Foundation SGI, 6 – World Justice Project ROL, 7 – PRS International Country Risk Guide, 8 – Economist Intelligence Unit, 9 – IHS Global Insight, 10 – Freedom House NIT.

стремятся индивиды, а также устанавливает средства для достижения этих целей – институционализированные нормы. Используя формулировку Мертона, тех, кто стремится к цели, применяя лишь социально оправданные средства, можно назвать конформистами. Но социальная система заставляет добиваться высоких доходов или общественного признания также и тех, чьи возможности — в силу расовой принадлежности, национальности, отсутствия необходимых навыков, недостатка капитала – оказываются ограниченными. Рынок социальных достижений организован так, что ему всегда присуще несоответствие между спросом (целями и ценностями) и предложением (средствами). Следовательно, многие из тех, кто довольно рано осознает ограниченность своих возможностей в этой гонке, отвергнут общие правила игры и попытаются добиться успеха недозволенными («творческими» или преступными) методами. С помощью предложенной Мертоном аналитической основы удастся объяснить всевозможные разновидности отклоняющегося поведения, причем

как среди низших классов, так и среди различных этнических групп.

«Аморальная семейственность»

Партикуляристская гипотеза Банфилда о связи между крепостью семьи и коррупцией нашла подтверждение в 1990-е гг., когда появились систематические данные о семейных ценностях и коррупции в странах мира и была обнаружена связь между этими переменными. Проведенный Всемирный опрос по изучению ценностей, а также статистика Мирового банка предоставили данные, с помощью которых можно разработать «шкалу семейственности». Делается это с помощью трех показателей. Первый отражает уровень безоговорочного почитания родителей. Он определяется долей людей, согласных с той точкой зрения, что родителей нужно уважать и любить, несмотря на все их просчеты и промахи. В качестве второго показателя выступает удельный вес людей, полагающих, что разводы недопустимы. Третий, предлагаемый Мировым банком, свидетельствует о среднем количестве де-

тей на одну женщину. Страны, занимающие лидирующее положение на данной шкале, оказываются, как правило, среди наиболее коррумпированных. Это касается большинства азиатских государств, известных прочностью своих семейных уз. С другой стороны, скандинавы, которых трудно упрекнуть в избытке семейственности, почти не страдают от коррупции. «Шкала семейственности» и Индекс восприятия коррупции тесно коррелируют друг с другом. Эта связь остается в силе при сопоставлении со среднедушевым доходом. Модель, включающая в себя «шкалу семейственности», замеры ориентации на личный успех и покупательную способность населения, многое объясняет в вариативности Индекса восприятия коррупции. Исходя из этой теории, логично ожидать, что уровень преступности будет наиболее высок в традиционных обществах с присущим им культом семейных ценностей. В обществах, где радиус социального доверия короткий, и социальные отношения строятся по принципам родовой принадлежности. Опора на родственные связи становится обычной даже в рамках экономической активности, получения услуг и покупки товаров, где залогом успеха в действительность должна быть конкуренция. Хотя нельзя утверждать, что наличие крепкой и большой семьи будет толкать человека к коррупционному поведению, но в обществах, где подобная структура семьи является обычной, вероятность коррупции возрастает. Как было отмечено выше, теория аморальной семейственности получила подтверждение на материалах международной статистики.

Основываясь на данных по структуре семьи, можно выделить регионы, где семейственные предпосылки коррупции сильны. Это, прежде всего, республики Северного Кавказа, в которых доля семей с тремя и более детьми составляет от 17,8 в Карачаево-Черкесской Республике до 50,2 в Республике

Ингушетии, Республике Тыва и, в меньшей степени, республиках Алтай и Калмыкии. Очевидно, что структура семей в республиках, особенно «национальных республиках», принципиально отличается в пользу детности (табл. 4).

Динамика официально зафиксированных правонарушений, которым дано развитие в рамках судебного процесса, хаотична, что свойственно практически всем субъектам РФ, в том числе и национальным республикам. Это затрудняет оценку целенаправленности и систематичности антикоррупционной борьбы, делает затруднительной и даже невозможной аналитику, сопоставление ситуации в разных регионах, особенно в рамках одного года и краткосрочной ретроспективе. На рис. показано, насколько скачкообразно меняется год от года показатель преступности коррупционной направленности в одной из наиболее коррумпированных республик Северного Кавказа – Дагестане⁵. Напомним, что с 2018 года в Дагестане идет масштабная антикоррупционная чистка. Среди уже осужденных – бывший врио председателя правительства А. Гамидов, экс-руководитель регионального министерства образования Ш. Шахов и мэр Махачкалы М. Мусаев. В общей сложности выявлено около 500 экономических преступлений.

В табл. 5 приведены данные по коррупционным правонарушениям во всех республиках РФ. Поскольку показатель количества преступлений подвержен существенным годовым колебаниям, для приведения показателей коррупции в удобный для межрегиональных сопоставлений вид за основу расчетов был принят суммарный объем преступлений за период с 2010 по 2018 год. В качестве единиц для сравнения взяты все факты правонарушений, дела по которым направлены в суд.

⁵ Долгие годы коррупция в Республике Дагестан носила системный характер. Экономический ущерб от коррупции в регионе достигал миллиарды рублей. К примеру, 28 миллионов было выведено на частные счета при ремонте музея Тахо-Годи. См.: Прокуратура выявила хищения при ремонте Национального музея Дагестана на сумму 28 млн рублей // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2018/02/17/139583-prokuratura-vyyavilahishchenie-pri-remonte-natsionalnogo-muzeya-dagestana-na-summu-28-mln-rublej> (дата обращения 15.02.2020).

Таблица 4. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет в республиках РФ (2018 год)*

Регион	С 1 ребенком	С 2 детьми	С 3 и более детьми
Республика Ингушетия	24,4	25,4	50,2
Чеченская Республика	27,5	28,4	44,1
Республика Дагестан	36	37,2	26,8
Республика Тыва	42,5	36	21,5
Кабардино-Балкарская Республика	43,4	38,3	18,3
Республика Северная Осетия – Алания	42,3	39,5	18,2
Карачаево-Черкесская Республика	45	37,2	17,8
Республика Алтай	47,7	37,6	14,7
Республика Саха (Якутия)	51	34,6	14,4
Республика Калмыкия	48,8	38,0	13,2
Республика Адыгея	53,1	36,7	10,2
Республика Бурятия	53,9	36,1	10
Республика Крым	54,9	35,1	10
Республика Башкортостан	56,2	35,4	8,4
Республика Хакасия	59,9	33	7,1
Чувашская Республика	57,9	35,9	6,2
Удмуртская Республика	60,2	33,6	6,2
Республика Марий Эл	61,5	32,7	5,8
Республика Татарстан	58,6	35,7	5,7
Республика Коми	63,6	31,8	4,6
Республика Мордовия	66,1	30,1	3,8
Республики	50,2	34,7	15,1
«Национальные» республики**	43,2	34,3	22,5
В целом по стране	61,1	31,7	7,2
Минимальное значение	Республика Ингушетия (24,4)	Республика Ингушетия (25,4)	Мурманская область (3,2)
Максимальное значение	Санкт-Петербург (70,6)	Калмыкия (38,0)	Республика Ингушетия (50,2)
* Ранжировано по показателю «Доля семейных ячеек с 3 и более детьми среди всех ячеек с детьми».			
** Термин «национальные» республики введен в оборот исключительно для удобства, он включает те регионы, где доля русского населения около 50% и ниже (в диапазоне от Республики Мордовии, где она составляет 53,4%, до Республики Ингушетии – 0,8%).			
Источник: данные Росстата.			

Уровень коррупционных правонарушений существенно не отличается от общероссийского по всем трем категориям. В республиках Адыгее и Калмыкии распространенность фактов злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) практически в три раза превышает общероссийский показатель. В Республике Адыгее отмечается чрезвычайно высокий уровень нарушений, связанных с получением взятки. По группе преступлений эконо-

мической направленности среди республик лидирует Мордовия. Сравнительно благополучная ситуация с количеством регистрируемых правонарушений коррупционной направленности в Республике Тыва и республиках Северного Кавказа вызывает если не недоумение, то скептицизм.

Может ли статистика коррупционных правонарушений обрисовать реальную картину коррупции? Ответ на этот вопрос вряд ли будет однозначным. Главное препятствие –

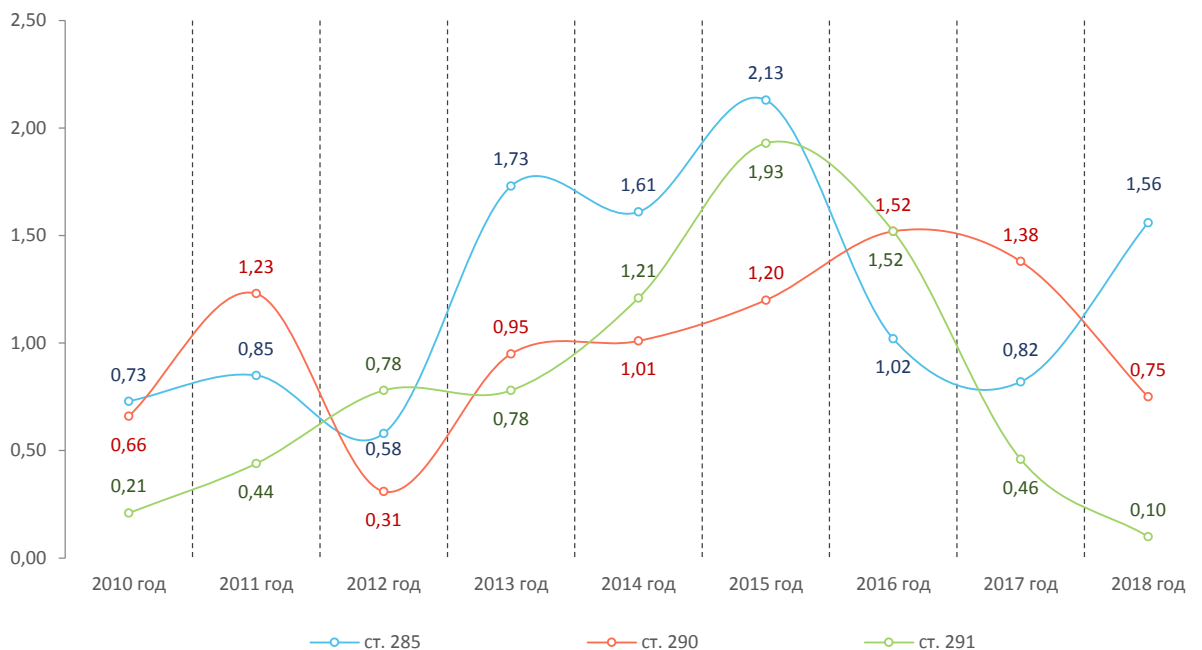

Рис. Динамика преступлений коррупционной направленности в Республике Дагестан, зафиксированных случаев на 10000 чел. населения

Источник: данные Генпрокуратуры РФ.

ограничения статистического учета. Преступления, отражаемые в официальной статистической отчетности, представляют собой лишь верхушку айсберга. Большинство правонарушений остается за рамками судопроизводства и, следовательно, статистических сводок. Отсюда вытекает другая проблема – специфика работы служб, качество этой деятельности существенно различается, поэтому более высокий при прочих равных условиях уровень коррупции в одном регионе может свидетельствовать о лучшей выявляемости, хотя вне контекста ставит регион в невыигрышное положение.

Наконец, возникает принципиальный вопрос: существует ли «национальная» коррупция? Наиболее убедительный ответ на него дают российские эксперты. Так, глава Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов отметил, что «клубок» северокавказской коррупции приводит в Москву, то есть причины коррупции на Северном Кавказе все же стоит искать в российской столице. «Многие коррупционные проекты

придумываются в Москве. Нужно проводить массовый анализ Счетной палаты, бюджетных заявок и проектов, которые финансируются, их целесообразность и обоснованность цены», – утверждает К. Кабанов⁶.

Заключение

Проанализированная информация позволяет сделать вывод о наличии социально-культурных предпосылок для развития коррупции в национальных республиках РФ, причем в рамках обозначенных методологических структур, гипотезы аморальной семейственности Банфилда и теории «целей и средств» Мертсона. Однако статистические данные не подтвердили в той степени, в какой это ожидалось, преобладание коррупционных правонарушений в национально-специфических субъектах РФ. Это обусловлено целым рядом причин как общеметодологического характера, так и связанных с измерениями и статистической отчетностью. Дело в том, что в статистике правонарушений отображаются

⁶ НАК: Северокавказская коррупция тянется из Москвы / Национальная служба новостей. URL: <https://nsn.fm/policy/policy-v-nak-prizvali-iskat-prichiny-korrupcii-na-severnom-kavkaze-v-moskve> (дата обращения 15.02.2020).

**Таблица 5. Уровень коррупционных правонарушений
в республиках РФ за период 2010–2018 гг., ед. на 10000 чел. населения**

Регион	Количество преступлений экономической направленности	Получение взятки (ст. 290 УК РФ)	Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ)*
Республика Адыгея	60,74	8,47	3,14
Республика Калмыкия	54,69	2,97	3,04
Республика Северная Осетия – Алания	93,17	3,15	2,59
Чувашская Республика	78,20	3,78	2,57
Республика Коми	67,49	4,89	2,48
Республика Башкортостан	54,07	3,46	2,46
Республика Татарстан	47,95	2,60	2,40
Республика Мордовия	88,04	3,43	1,99
Республика Марий Эл	41,15	2,69	1,68
Республика Алтай	54,87	3,52	1,42
Удмуртская Республика	55,06	1,86	1,26
Чеченская Республика	23,32	0,84	1,21
Кабардино-Балкарская Республика	44,67	2,98	1,04
Республика Саха (Якутия)	48,31	0,57	1,03
Карачаево-Черкесская Республика	56,47	1,61	1,03
Республика Бурятия	35,53	1,58	0,82
Республика Тыва	35,57	1,45	0,74
Республика Дагестан	39,54	0,70	0,72
Республика Ингушетия	27,36	0,70	0,68
Республика Хакасия	34,06	2,28	0,47
Республика Крым	9,34	0,95	0,34
Республики	49,98	2,59	1,58
«Национальные» республики	50,81	2,78	1,75
В целом по стране	48,85	2,95	1,23
В целом по субъектам, кроме республик	48,48	3,07	1,11
Минимальное значение	Республика Крым (9,3)	Чукотский АО (0)	Рязанская область (0,17)
Максимальное значение	Астраханская область (98,3)	Забайкальский край (9,3)	Вологодская область (4,1)
*Ранжировано по показателю «злоупотребления должностными полномочиями» (ст. 285 УК РФ). Рассчитано по: данные Генпрокуратуры РФ.			

преступления, дела по которым получили развитие в судебных инстанциях, тогда как подавляющая часть правонарушений не была выявлена. Кроме того, значительная часть коррупционных действий остается в рамках закона, поскольку не противоречит действующему законода-

тельству, что подтверждается данными Счетной палаты. Проведенное исследование отразило все методические изъяны использования официальной статистической отчетности в оценке распространенности коррупции, поэтому во всем мире популярны альтернативы в виде социоло-

гических опросов населения и особенно экспертов. Альтернативой анализа коррупционного поля является обзор качественного контента, публикаций СМИ, мнений людей, высказываемых в социальных сетях. Этот материал нельзя игнорировать, но его обобщение и интерпретация встречают

массу трудностей как инструментального, так и методологического порядка. Однако ценность такого информационного ресурса все же высока. Важным условием продуктивности будущих исследований является анализ коррупции в спектре ее форм и проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klitgaard R. *On culture and corruption*. Oxford: Controlling Nuffield College, 2017. 35 p.
2. Андреев А.С. Коррупция и борьба с ней: региональный аспект // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 2. С. 79–87.
3. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
4. Анохин П. Коррупция угрожает национальной безопасности России // Российская Федерация сегодня. 2011. № 22. С. 16–17.
5. Бичев Г.Н. К вопросу о коррупции // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12. С. 80–81.
6. Клейнер В. Системная коррупция требует системных методов борьбы с ней // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 5–21.
7. Патова Е.М. Антикоррупционные механизмы в реализации кадровой политики государственных органов и органов местного самоуправления // Журн. рос. права. 2016. № 12. С. 114–122.
8. Лунеев В. Настоящей борьбы с коррупцией в России нет // Уголовное право. 2007. № 5. С. 104–108.
9. Елисеева С.Н., Тарасов И.Н. Коррупция как вызов политической модернизации в России // Власть. 2013. № 8. С. 17–19.
10. Костенников М.В., Куракин А.В., Калита И.А. Прокуратура и противодействие коррупции // Рос. юстиция. 2013. № 8. С. 35–38.
11. Eisenstadt S.N., Roniger L. *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 343 p.
12. Johnston M. *Syndromes of Corruption*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 282 p.
13. Kolstad I., Wiig A. Is Transparency the Key to Reducing Corruption in Resource-Rich Countries? *World Development*, 2009, vol. 37, no 3, pp. 521–532.
14. Mauro P. The Persistence of Corruption and Slow Economic Growth. *IMF Staff Papers*. Washington DC: International Monetary Fund, 2004, vol. 51, no 1, pp. 1–18.
15. Piattoni S. *Clientelism, Interests and Democratic Representation: The European Experience in Historical and Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 256 p.
16. Scott J.C. *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1972. 166 p.
17. Липсетт С.М., Ленц Г.С. Коррупция, культура и рынки. URL: <http://pavroz.ru/files/lipsetcor.pdf> (дата обращения 10.02.2020).
18. Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalisation of Democracy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 464 p.
19. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press, 1968. 698 p.
20. Vanfield E. *The Moral Basis of a Backward Society*. Chicago: Free Press, 1958. 205 p.
21. Волженкин Б.В. Взятничество в истории советского уголовного законодательства (1918–1927 гг.) // Правоведение. 1993. № 2. С. 34–46.
22. Малыгин А.Я. Борьба с коррупцией в начале 20-х годов // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России: мат-лы науч.-практ. конф., 17–18 мая 1994 г. Вып. 4. М., 1994. С. 174–180.
23. Астанин В.В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. (криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 153 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru

Kalashnikov K.N.

**SOCIO-CULTURAL BACKGROUND
AND DIFFERENCES IN CORRUPTION SPREAD IN RUSSIA**

The challenges facing Russia, which are primarily connected with the need to ensure high rates of economic growth, high level and quality of life of the population and reduce the technological gap to the developed countries of the world, require improving the efficiency of public administration and minimizing the phenomenon of corruption, which is so common in this country. According to the international expert organizations, Russia occupies one of the most disadvantageous places in the ranking of countries in the world in terms of the level and prevalence of corruption violations in the political life and economic environment. Today, in Russia, anti-corruption is declared as one of the key tasks of the state policy. The Decree of the President of the Russian Federation dated June 29, 2018 No. 378 “On the National anti-corruption plan for 2018-2020” was adopted. A set of measures to prevent corrupt behavior is being implemented by the public authorities; the commissions to resolve the conflicts of interest have become common and widespread. At the same time, sharp discussions continue in the scientific and expert community about the very possibility of fighting corruption, given the regions’ territorial inequality and the role of the national component in the depth of corruption. The purpose of the article is to analyze and assess the level of corruption in the context of Russia’s national and socio-cultural diversity. Based on the analysis of statistical data on the registered corruption offenses, it is shown that the level of corruption in the national republics is often lower than that on the national level, which indicates a low objectivity of data on the offenses in the corruption behavior assessment. The author comes to the conclusion that there are serious socio-cultural prerequisites for corruption within the national republics, however, they are not always reflected in the reports of the Prosecutor General’s office of the Russian Federation. According to the author, the phenomenon of “national bribery” does exist, but the role of Federal authorities in the processes of improving the quality of public administration should not be underestimated.

Corruption, quality of public administration, socio-cultural context, Russian Federation, national republics.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru